
СТАТЬИ

О. Н. Трубачев ИЗ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ЭТИМОЛОГИЙ

Лексический, этимологический аспект изучения балто-славянских языковых отношений приобретает все большую актуальность. Этому вопросу посвящаются доклады на международных славистических съездах¹. Как бы то ни было, именно лексические отношения составляют основную суть балто-славянских сходств и различий. Материала здесь известно много, но было бы ошибкой думать, что сейчас настало время исключительно для обобщений, которые можно всецело основать на старых собраниях фактов, как это иногда делалось вплоть до недавних пор на базе «Балто-славянского словаря» Траутмана². Строго говоря, давно уже нужен новый Траутман, больше того, — накопился не менее весомый и значительный материал, из которого мог бы получиться целый «Анти-Траутман», т. е. специальный словарь лексических несходств и различий между балтийскими и славянскими языками. О многочисленности такого материала прозорливо говорил еще Мейе, оценивая словарь Траутмана, сосредоточенный целиком на общностях. Время традиционной недооценки показаний лексики в балто-славянском вопросе³ прошло. Совокупные свидетельства словаря, особенно в масштабах ряда тематических групп слов, не менее важны, чем данные фонетики и морфологии, как известно, структурно более организованные и, следовательно, легче перестраиваемые коренным образом. Учитывая в этом смысле большую стабильность совокупных показаний лексики, необходимо критически пересмотреть балто-славянскую проблему со стороны словаря. Заметим, что эта необходимость — лишь частный случай методики, которая должна применяться и уже от-

¹ Cp.: Eckert R. Die balto-slawischen Wortentsprechungen. — In: Beiträge für den VIII. Internationalen Slawistenkongreß. Zagreb—Ljubljana, 1978. I. Sprachwissenschaft (=ZfS XXII, 1977), S. 579. и сл.

² Например: Śląski F. Lexikalische Neuerungen im Baltisch-Slavischen. — In: Donum Balticum. To prof. Christian S. Stang on the occasion of his seventieth birthday 15 March 1970. Stockholm, 1970, S. 501 и сл.

³ Cp.: Szemerényi O. Sur l'unité linguistique balto-slave. — Études slaves et roumaines, 1948, v. I, fasc. 2, p. 69.

части применяется в анализе взаимоотношений разных индоевропейских языков и диалектов.

Таким образом, главное при этом по-прежнему — критическая ревизия фактического материала; но не менее основательной ревизии подлежат и отдельные теоретические концепции, в особенности же присущие им моменты предвзятости, попросту мешающие правильно понимать факты истории языка. Огромность балто-славянского аспекта, как и следовало ожидать, заслонила собой некоторые другие, пусть более скучно дошедшие до нас, но от этого никак не менее интересные отношения. Я имею в виду тезис о непосредственных балто-иранских контактах, выдвинутый в 1962 г. в книге В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья». В книге предлагается территориальная локализация этих контактов и собран ряд конкретных фактов балто-иранских языковых схождений. Это не помешало польскому лингвисту Л. Беднарчуку утверждать, что «существование балто-иранских контактов до сих пор не доказано»⁴. В согласии с традицией он считает, что «причиной отсутствия балто-иранских контактов было то, что их отделяли одних от других славяне или угрофинны»⁵. Но возражение это в наших глазах не может иметь большой доказательной силы, потому что речь с самого начала велась о Среднеднепровском левобережье как о возможном месте балто-иранских контактов, где можно говорить лишь о периферийном распространении славян или проникновении финноугров. В этих условиях да еще при тогдашней редкости заселения нет оснований говорить о каком-то непроницаемом отгораживании славянами или финноуграми балтов от иранцев. Среднеднепровское левобережье — это классический пограничный регион для всех означенных этносов, а пограничные зоны контактов в древности естественнее характеризовать в терминах изменчивости, подвижности, этнической диффузии и осмоса⁶, чем вышеупомянутой непроницаемости. Преодолеть инерцию непринятия балто-иранских контактов, очевидно, нелегко, хотя именно эта инерция повинна в том, что исследователи проходили и проходят мимо иных фактов. Не слишком вдаваясь в материю, назовем, однако, один—два примера. Первый пример — очень старый, из области культурной истории. Известно, что балтийские племена — типичные обитатели лесов, тогда как лошадь могла быть по-настоящему приручена только в условиях степной зоны. Еще Виктор Ген в своем классическом труде о культурных растениях и домашних животных писал более ста лет назад: «Древние свидетельства

⁴ Bednarczuk L. Etnolingvistiniai santykiai priešistorinėje šiaurės rytu Eugeoroje. — Baltistica. II priedas, 1977, c. 7.

⁵ Там же, с. 13.

⁶ Ср. Рыбаков Б. А. Исторические судьбы праславян. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 184.

описывают литовцев как потребителей кобыльего молока: этот обычай, незнакомый германцам, распространился от наездников южнорусских степей до Балтики»⁷. Это ценное наблюдение впоследствии было забыто. Другой наш пример — нарочито новый, еще не обсуждавшийся в литературе, из области потенциальных лексических связей балтийского с языковой стихией индо-иранского Юга. Лит. *kūdra* ‘лужа, болото, пруд, яма с водой’ (сюда же лтш. *kūdra* ‘торф’, *kūdri* ‘удобрение’) практически не имеет этимологии, так как сближение со ср.-и.-нем. *hotte* ‘свернувшееся молоко’, нидерл. *hotten* ‘свертываться’⁸ элементарно сомнительно. Между тем перед нами — чисто индо-иранский словообразовательный тип, а именно — сложение и.-е. **ūd*₁ ‘вода’ с префиксально-местоименным *k(u)*, носителем отрицательного экспрессивного значения. Все элементы значения (‘вода’, ‘скверная’), налицо в литовском слове, но данный словообразовательный тип балтийскому чужд, тогда как в индо-иранских он хорошо известен. И хотя мы не можем привести из этих языков точного эквивалента лит. *kūdra* (др.-инд. *kūdara*- из **ku-udara-* ‘нечистого чрева [сын]’⁹ годится лишь как близкая параллель), словообразовательная модель ‘вопросительное местоимение *ku*- + глагольно-именная основа’ уверенно паспортируется как генетически индо-иранская, ср. др.-инд. *ku-carā-* ‘бродячий’, *ku-yava-* ‘приносящий неурожай’, *ku-nakhīn-* ‘ тот, у кого ногти больные’, *kū-manas-* ‘расстроенный’, *ku-dvāra-* ‘задняя дверь, черный ход’, *ku-pati-* ‘плохой муж’, *ku-kanyakā* ‘плохая девушка’, *ku-drśya-* ‘гадкий, скверный с виду’, авест. *ku-nā'rī* ‘блудница’ (буквально ‘плохая женщина’)¹⁰. Некоторая продуктивность префиксального *ka-*, *kq-*, *k-* такого же происхождения отмечается и в славянском, но там эта модель все-таки не получила такого четкого семантического характера. На возможность индо-иранских истоков лит. *kūdra* указывает, далее, наличие коррелята в др.-инд. *sam-udrā-* ‘море, океан’, где префиксу из вопросительного местоимения *ku*- противостоит префикс, связанный с указательным местоимением, *sam-*, а уничижительному значению противостоит семантика величины и величественности.

В довершение приведем мнение археолога, идущего по следам лингвистов: «В бассейне Днепра северными соседями скифов были балты. Гидронимические и археологические материалы сви-

⁷ Цит. по англ. переизданию: *Hehn V. Cultivated plants and domesticated-animals in their migration from Asia to Europe. Historico-linguistic studies. New edition. Amsterdam, 1976 (=Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. Series I. Amsterdam classics in linguistics, v. 7)*, p. 55.

⁸ *Fraenkel I*, S. 305 (со ссылкой на словарь Мюленбаха—Эндзелина).

⁹ *Wackernagel J. Altindische Grammatik. Bd. II, 1. Einleitung zur Wortlehre. Nominalkomposition. 2. unveränderte Auflage. Göttingen, 1957, S. 83; Mayrhofer I*, S. 217, 253.

¹⁰ Там же.

дательствуют, что здесь на границе лесостепи с лесной зоной имел место тесный контакт ираноязычного населения с балтским»¹¹.

Теперь самое время вспомнить, что тема настоящей работы — балто-славянские этимологии. Собственно говоря, изложенное выше продиктовано необходимостью трезво ограничить специально балто-славянский аспект. Считаем полезным и далее сохранять этот ограничительный акцент, стремясь одновременно к максимально конкретной аргументации.

К числу излюбленных примеров балто-славянских лексических сходений принадлежит сравнение russk. *крутой* ‘обрывистый’ с лит. *kraūtas* ‘(круты) берег, край’¹². На первый взгляд, это сближение, действительно, подкупает своей простотой и убедительностью; в свое время оно даже служило аргументом чуть ли не геологической давности, говорящим в пользу древнего пребывания предков литовцев у опускающихся берегов Балтийского моря. Но попробуем разобраться по порядку. Значение ‘обрывистый’ известно только в русском языке, причем древность его сомнительна. Относящиеся сюда древнерусские примеры по меньшей мере двусмысленны: Береги же иметь крѣты (Ерданъ рѣка). Дан. иг. по сп. XV в. Йорданъ же рѣка глубока и крутоберега, грозна вельми, течетъ же въ Садомское море. Игн. Пут. 106 (Срезневский I, 1337). Здесь можно с равными основаниями предполагать значения ‘круты, отвесный’ и ‘извилистый’. Другие славянские языки обнаруживают у продолжений праславянского прилагательного *kr̥gtъ значение ‘крученый, извилистый’ (русск.-цслав. *крутъ* *tortus*, укр. *крутій*, польск. *kręty*) или вторичные значения ‘толстый, твердый, грубый’, ‘яростный, сильный’ (серб.-хорв., словен., чеш., слвц., серболуж.), развившиеся на базе первичного ‘крученый’. Не вызывает никаких сомнений употребление основы *kr̥gtъ именно в значении ‘крученый, извилистый’ применительно к берегам реки, ср. хотя бы польское название и з г и ба Вилии (Нерис) в городе Вильнюсе — *Zakręt* (по-литовски *Vingis*). Независимое согласное свидетельство представляет украинский, ср. слова народной песни: Там, де Ятрань *круто в'ється*, т. е. ‘извилисто’. И выражение па *krętych dorzeczach dniestrowych* из «Потопа» Сенкевича следует понимать как «на днестровских извилинах», а не «на кручах», вопреки мнению Френкеля (там же). Даже не выходя за пределы русского языка, путем сравнения выражения *крутой берег* с отличными семантически и, надо сказать, преобладающими словосочетаниями *крутой поворот*, *крутыя рога*, *крутой кипяток*, мы не можем не признать вторичного, инновационного характера значения *крутой* — ‘от-

¹¹ Седов В. В. Славяне и иранцы в древности. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. . . , с. 230.

¹² Miklosich, S. 138; Berneker I, S. 628 (уже с сомнением в принадлежности сюда лит. слова); Trautmann BSW, S. 142; Фасмер II, с. 387; Fraenkel I, S. 288.

весный, обрывистый, трудно доступный для подъема'. Данные других славянских языков лишь подтверждают эту внутреннюю реконструкцию: восстанавливать значение 'крутоя, обрывистый, трудно доступный для подъема' для праслав. *krqtъ нельзя. Отсюда ясный вывод: балто-славянское тождество *krañtas* — *krqtъ фиктивно. Правда, мы проверили его пока только со славянской стороны, удостоверившись в том, что как будто до сих пор все принимали, а именно — в том, что слав. *krqtъ, русск. *крутой* и т. д. — прилагательное, соотносительное со славянским глаголом *krqtiti, русск. *крутить*, *kretati. Но большинство авторов считало возможным относить сюда же лит. *krantas*, делая это без достаточных оснований, как мы сейчас видим. Можно, однако, возразить, что семема 'берег' всегда вторична, следовательно, лит. *krantas* тоже могло явиться результатом инновации, возможно, близкой той, которую мы наблюдаем в русск. *круты*. Проверка с балтийской стороны не только показывает, что здесь отсутствует тождество или хотя бы параллелизм, но что вскрываемые различия в данном фрагменте балто-славянского словообразования и номинации гораздо глубже, чем можно было первоначально предполагать. Прежде всего, в балтийском нет соответствия славянским глаголам *kretati, *krqtiti, с которыми непрерывно связано слав. *krqtъ, русск. *круты*. При сближении с ними лит. *krantas* 'берег' необъяснимо, что безошибочно свидетельствует о необходимости искать другие, внутренние мотивы его номинации. Балтийское название берега, по-видимому, отглагольно, но думать при этом о производности от лит. *kertù*, *kiñsti* 'рубить, бить, ударять' или от *kárti* 'вешать', как это делает Френкель (там же), нет прежде всего формально-фонетических оснований. Странно, что при объяснении лит. *krantas* забывали о глаголе лит. *krentù* / *krintù*, *kr̄sti* 'падать, упасть', лтш. *kr̄est* 'ронять, трясти', *kr̄ist* 'падать'. Глагольно-именные отношения *krentù* : *krañtas* (вар. *kriañtas*) кажутся мне единственными возможными, родство значений 'берег' и 'падать' типологически вполне реально, как о том свидетельствуют лат. *rīpa* 'берег реки', родственное греч. ἐρεῖτω 'сбрасывать вниз', и сербохорв. *obala* 'берег': *obaliti* 'бросить'.

Если пример с отношением русск. *круты* — лит. *krantas* помогает обнаружить функцию в этимологических исследованиях исконного славянского и балтийского слова, то следующий пример с названиями янтаря, кажется, должен показать фиктивность обычно принимаемого направления одного заимствования.

Основным названием янтаря в балтийских языках является лит. *gintāras*, *giñtaras*, известное также в старых вариантах *gentāras* и *jentāras* (в словаре Нессельмана), лтш. *dzitars*, *dziñtars*, *zltars*¹³. Ему соответствует русск. янтарь (прочие славянские формы — из русского), которое Френкель назвал даже «родствен-

¹³ Fraenkel I, S. 152.

ным» балтийскому слову¹⁴, хотя фонетика говорит об иных отношениях. Какими именно были эти отношения между балтийским и славянским словом, ученые, кажется, решили давно и единогласно. Еще Будилович сто лет назад писал: «Можно бы думать, что так как первыми добывателями этой окаменелой смолы были поморские литовцы, то их слово (*jentaras*, *gintaras*) заимствовано было соседними славянами»¹⁵. Этот ученый пришел также к логичному выводу, что заимствование не могло быть древним, иначе ожидалось бы русск. * янтарь, чеш. * *jatar* или * *jetar* и т. д. Балтийскую этимологию закрепил Миклошич: «Русск. слово — это лит. *jentaras*, *jintaras*, *gentaras*, лтш. *dzintars*. Известно также ср.-лат. *gentarum* и нем. *kentner*»¹⁶. То же самое находим у Бернекера, который, однако, обращает внимание на то обстоятельство, что балтийское название — «*ein dunkles Wort*»¹⁷. Объяснение из лит. *jentaras*, *gintaras* прочно вошло во все этимологические словари¹⁸. Этому способствовала популярная репутация Прибалтики как янтарного края, а литовцев — как его аборигенов. Сложности и противоречия этой концепции проявились не сразу. А состоят они в том, что, во-первых, *gintaras* не этимологизируется с точки зрения балтийских языков и ведет себя там скорее как заимствованное (ср. хотя бы варианты *gintaras* и *jentaras*), во-вторых, балты — не аборигены берегов Балтийского моря; согласно Буге, «современная Литва — не родина литовцев, потому что они до VI в. н. э. еще жили к востоку от Вильнюса и Минска»¹⁹, то же самое может быть сказано о латышах, более восточное распространение имели и западные балты, пруссы, ср. галинды — глядь в Поочье и ряд верхнеднепровских речных названий от древнепрусского *stabis* ‘камень’. В-третьих, Прибалтика — не единственный янтарный край, янтарь по рекам Скифии был известен уже древним, но об этом — далее.

Своего рода попыткой разобраться в противоречиях, связанных с названиями янтаря, была статья Б. А. Ларина²⁰. Суть ее сводится к следующему. Свидетельства о слове янтарь в русских письменных текстах — не старше XVI в. (1551 г. и позднее), и они указывают на янтарь из Прибалтики, однако соответствующие литовское и латышское названия сами из балтийского не этимологизируются. Далее, Ларин обращает внимание на венг. *gyantár* ‘янтарь’ и *gyanta* ‘смола’, что, впрочем, уже до него сделал Миклошич. Формальная и семантическая вариации венгер-

¹⁴ Frenkelis E. Baltų kalbos. Vilnius, 1969, с. 26.

¹⁵ Будилович А. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян, ч. 1, вып. 2. Киев, 1879, с. 291.

¹⁶ Miklosich, S. 99.

¹⁷ Berneker I, S. 445.

¹⁸ Brückner c. 50; Фасмер IV, с. 558; Ślawski I, с. 501.

¹⁹ Būga K. Rinktiniai raštai, t. III. Vilnius, 1961, с. 551 и сл.

²⁰ Ларин Б. А. О слове янтарь. — Цит. по изд.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977, с. 73 и сл.

ских форм (с *-r* и без *-r*, наличие двух самостоятельных значений ‘янтарь’ и ‘смола’), по мнению Ларина, «указывают на большую близость венгров к языку-первоисточнику». Следом за этим Ларин делает вывод, что некие «североевропейские поморы» (не балтийские и не славянские племена), участвуя, с одной стороны, в янтарном промысле в Прибалтике, с другой стороны, — «могли соприкасаться в пределах северо-востока Европы с предками венгров, с угорскими племенами, до занятия последними своей теперешней родины». Ларин полагает, что его предположения находят поддержку в разысканиях Розвадовского, Фасмера, Лер-Сплавинского, допускавших наличие отдельных топонимических следов финно-угров «далше на юго-запад», в Прибалтике, но если мы вспомним, что упомянутые (кстати, единичные и скорее проблематичные) топонимические этимологии этих ученых относятся к финской, а отнюдь не к угорской ветви, догадка Ларина о передаче названия янтаря и смолы из Прибалтики предкам угротов в Приуралье делается крайне зыбкой, ее не спасает объединение обеих весьма далеких ветвей общим термином «финно-угорский». Ясно, что угротов не было в Прибалтике и у них не было достоверных общений с ее древним населением. Концепция Ларина, надо признать, в данном случае уводит нас в сторону от бесспорных достижений науки. Учитывая узловое, культурно-историческое значение вопроса, приходится говорить об этом подробно, тем более, что содержание статьи Ларина некритически перенимается некоторыми исследователями. Например, во втором, посмертном издании чешского этимологического словаря В. Махека читаем: «*jantar*... Согласно подробному объяснению Б. А. Ларина, *Rakstu krājums* (сборник, посвященный Эндзелину), Рига, 1959, 149 и сл., это слово происходит из какого-то угорского языка (угрофиннов), носители которого сидели в древности у Балтийского моря и собирали янтарь. На это происхождение указывает то, что угорофинские языки имеют исходное слово со значением ‘смола’, напр. венг. *gyanta* значит 1. ‘янтарь’, 2. ‘сосновая смола’, 3. ‘глазурь’. Торговыми путями название янтаря попало в «балтийские» языки (лит. и лтш.), которые первоначально были не у моря, а восточнее, а от них к другим народам»²¹.

Раз такое значение придается данным венгерского языка в нашем балто-славянском вопросе, что, согласимся, большая редкость, обратимся к новому «Историко-этимологическому словарю венгерского языка», который дает формы *gyanta*, *jánta*, *gyantár* и их варианты (засвидетельствовано после 1500 г.) и характеризует это название как «заемствование, причем ни конечный источник, ни непосредственный передатчик должным образом не определены... В средневековую латынь, в немецкий и русский попало из балтийских языков, а в большинство славянских... из рус-

²¹ Machek ², с. 216.

ского, по большей части в новое время. — Венг. *gyantár*, возможно, производится от основы средневекового лат. *gentarum*²². Отпадение *-r* во вторичной форме *gyanta* венгерские этимологи объясняют внутренним венгерским развитием. Как и следовало ожидать, финноугроведы не говорят ни о каких уграх в Прибалтике, ни о доисторических прибалтийско-угорских связях, а в свете того единственно реального, что венгерские этимологи сочли возможным включить в свой словарь, делается ясно, что венгерское слово как позднее местное заимствование для дальнейшего исследования вопроса о балтийском и русском названии янтаря интереса не представляет и может быть исключено нами из рассмотрения. В результате предпринятого исключения лишних форм мы опять остаемся лицом к лицу с двумя этимологически темными словами: лит. *gintaras* и русск. янтарь. Как уже ясно из предыдущего, сколько-нибудь достоверной балтийской или индоевропейской этимологии для литовского слова пока не предложено. Только полноты ради можно упомянуть попытку Петерссона, который, как и Ларин, искал связь с названиями смолы, но при этом реконструировал и.-е. *gʷentor, сближая его с др.-инд. *játu* 'лак, резина', лат. *bitūmen* 'горная смола'²³. Но одной ссылки на лит. *jentaras* (см. выше) достаточно, чтобы свести эту индоевропейскую этимологию на нет. Вариант *jentaras*, кстати, не случайно обозначается как старый, распространенная форма лит. *gintaras* должна объясняться из него, а не наоборот. При объяснении случаев *g- < j-* в литовском, главным образом в ономастике, иногда вспоминают известную фрикативность *g* в нижненемецком и существующую там в связи с этим вариативность *g : j*, широко отражавшуюся и в старой письменности, например, как написание через *g*, откуда могли идти влияния на литовский²⁴. Ларин в упоминавшейся статье рассматривал *jentaras* скорее как небезупречную запись, выполненную немцем, вместо реального *gentaras*, т. е. с заменой *ge-* на *je-* под означенным влиянием немецкого областного произношения. Но данные исторической ономастики документируют как раз обратное направление замены, поскольку известен ряд форм, где более старшие написания с *i*, *j* вытесняются, как полагают, под среднениженемецким воздействием, новыми написаниями и произносительными вариантами на *g*: *Labia*, *Labiau* > *Labguva*, *Danija* > *Dangē*, *Minija* > *Mingē* и т. д. Процесс спирантизации *g > j* в нижненемецком вызывал тенденцию гиперкорректности в виде передачи этимологического *j* через *g* на письме и вслед за этим — в произношении²⁵. Следо-

²² A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I. k. Budapest, 1967, c. 1120.

²³ Petersson H. Studien über die indogermanische Heteroklisisie. Lund, 1921 (=Skrifter utgivna av Vetenskaps-societeten i Lund 1), S. 62—63.

²⁴ Vanagas A. Dėl upės vardo Danė (Danija, Dangē). — Lietuvių kalbotyros klausimai III, c. 317 и сл.; Idem. Dėl vietovardžio Labguva darybos ir kilmės. — Baltistica 1966 I (2), c. 185 и сл.

²⁵ Думается, однако, что было бы неправильно относить за счет немецкого влияния все случаи вариантиности и взаимоперхода *j* и *g*, поскольку

вательно, не *jentaras* из *gentaras*, а *gentaras* из *jentaras*. Таким образом, в лит. *jentaras* мы имеем не описку, как склонен был думать Ларин, а наиболее старый и, судя по всему, этимологически наиболее авторитетный вариант. Все показания с балтийской стороны на этом как будто исчерпываются, тогда как особая близость лит. *jentaras* и russk. янтарь приобретает новый смысл: не russk. янтарь заимствовано из лит. *gintaras*, *jentaras*, а лит. *jentaras* было заимствовано из russk. янтарь, выявлением судеб и условий заимствования которого нужно теперь заняться вплотную. 1551 год, которым обычно датируют первое упоминание русского слова в форме ентарь (составлено, ентарю, gen. part.: . . . да два сукна свиточныхъ, да ентарю пять гривенокъ. Арх. Строева I, 334, по «Материалам» И. И. Срезневского и по данным Картотеки ДРС), конечно, следует признать случайно поздней датой. Чуть более раннюю дату Травника Любчанина 1534 г. (рукоп. XVII в. ГИМ, Картотека ДРС: Смола. . . азъ чаю что то есть ентары) тоже нельзя считать пределом древности. Более ранних свидетельств мы пока не знаем, поэтому приходится прибегать к вероятиям и реконструкциям. Но слово старше своих письменных свидетельств; неслучайно даже окольным путем попавшее в венгерский язык и безусловно позднее слово *gyantár* известно там уже вскоре после 1500 г. (см. выше). Конечно, фонетическая форма russk. янтарь, ентарь (сохранение группы согласных *-нт-*) заставляет датировать его появление временем после X в., т. е. после падения носовых, что, впрочем, достаточно условно. Кстати, древность появления слова в балтийских языках предполагается в период до XII в.²⁶ (почему латышские формы *dziñtars*, *dzītars*, представляющие, очевидно, разные ступени аккомодации лит. *gintaras*, испытали уже типично латышские изменения).

Оспорив литовскую этимологию russk. янтарь, мы продолжаем, естественно, считать его заимствованием в соответствии с его фонетической характеристикой, необъяснимой на русской языковой почве. Остается теперь выяснить происхождение иноязычного **jantar-*, которое легло в основу русского слова. Этимологические действия целесообразно при этом координировать

их проявления более разнообразны, ср. отмеченное Бугой др.-русск. *Навгинъ*=лит. *Naujlinis* 'Двинск, Даугавпилс' (*Būga K. Rinktiniai raštai, t. III. Vilnius, 1961, s. 570*). Интересно специально изучить вопрос о вариантиности *j* : *g* в исконной лексике, ср. лит. *kājis*, *kāgis* 'кузничный молот'. И в русской исторической фонетике отмечены аналогичные колебания, которые нельзя свести только к просторечной передаче, скажем, греч. γ фрикативного и τ д., ср. *Юрий*, *Егор*, вместо книжного *Георгий*, далее — *генерал*, вместо *генерал*, гиперкорректное *генварь* при *январь*. О большем разнообразии явления говорит варьирование исходов слов . . . *ря*/ . . . *ръга* в северновеликорусском, ср. его косвенные отражения вроде фамилий *Северин*, но *Севергин*.

²⁶ Ларин Б. А. Указ. соч., с. 78.

с показаниями синонимов со значением ‘янтарь’ в русском и других языках, особенно тех из них, которые какими-либо особенностями формы и словообразования представляют интерес именно для прояснения нашего слова. Привлекать все названия янтаря не входит в наши задачи. На их множество обратили внимание не только лингвисты. «Трудно найти другой камень, который носил бы столько различных наименований, как янтарь», — писал академик А. Е. Ферсман²⁷. Но одно из этих названий вызывает наш интерес в первую очередь: русск. алáтырь м. р. ‘загадочный камень, поминаемый в сказках и заговорах’ (Даль², I, с. 9). Старые ученые определенно предполагали в нем название янтаря, ср. напр. Даль (там же): «вероятно, янтарь, греч. электрон, переделанное на татарский лад». Будилович, взвешивая разные возможности, предполагает даже, вслед за Афанасьевым, самостоятельное образование «из корня *ark*, ἀλλος блистать»²⁸, что может пригодиться в дальнейшем. Но блистательные исследования А. Н. Веселовского и его школы, вскрывшие и связавшие с алатарем в первую очередь христианский пласт преданий и представлений о чудесном камне в основании Сионской церкви, о камне-алтаре-трапезе и камне-алтаре-престоле²⁹, кажется, несколько отеснили на задний план то древнее значение и употребление этого слова, которое поддается определенной идентификации и даже географической локализации и интересует нас здесь больше всего.

Особенно древними свидетельствами о слове алатырь мы тоже не располагаем. Сведений о нем нет в Картотеке СДР XI—XIV вв. (кстати, там нет и данных о слове янтарь, ентарь). Картотека ДРС содержит упоминание в Сборнике загадок XVII в.: Есть сре^х моря шкидана бѣль каме^и лата^и. Сопутствующий постоянный эпитет помогает опознать обозначаемый предмет. По мнению специалиста, — «алатырь ‘бел-горюч камень’ — единственный камень наших народных поверий. Кроме него, только в двух-трех местах наших былинных песен упоминается еще кое-где о камнях: антавенте, тироне и яхонте. Это невольно наводит на мысль, что мифический камень алатаирь может означать один янтарь»³⁰. В противовес молчанию русских письменных источников с X по XVI век минералогия называет янтарь наиболее замечательным камнем древности и основным драгоценным камнем Киевской

²⁷ Ферсман А. Е. Рассказы о самоцветах, изд. 2-е. М., 1974, с. 120.

²⁸ Будилович А. Указ. соч., с. 291. См. еще: Надеждин Н. О русских народных мифах и сагах, в применении их к географии и особенно этнографии русской. II. — Русская беседа 1857, IV, второй год, кн. 8-ая (раздел «Смесь»), с. 37—38.

²⁹ Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. III. Алатаирь в местных преданиях Палестины и легенды о Грале. СПб., 1881; Мочульский В. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887, с. 171 и сл.

³⁰ Пыляев М. И. Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление, изд. 3-е. СПб., 1896, с. 76.

Руси³¹. Это нашло отпечаток если не в письменной истории, то в народном сознании. Такой уникальный памятник народного творчества как Голубиная книга отводит в своей космографии этому камню почетнейшее место: «Латырь-камень каменям отец», «алатырь-камень — всим каменям мати», «бел алатырь-камень каменям мать»...³²

В устной народной поэзии название камня всегда фигурирует в одной форме *алатырь* или *латырь*. Только в одном варианте стиха о Голубиной книге встречается *ильтор*, слишком напоминающее старое книжное название янтаря — *ильтрон* из греч. ἥλεκτρον. Интересующая нас форма *алатырь* походит на эти последние, оставаясь при этом совершенно самостоятельным названием. И то и другое полезно учсть при этимологизации. Неизменным постоянством отличаются эпитеты при этом названии: бел-горюч камень *Алатырь*, *белолатырь*, *белатырь*. Их толкующая и переводная функция имеет прямое отношение к употреблению и значению и должна помочь пролить свет на первоначальное внутреннее содержание слова. *Янтарь* и *алатырь* обозначают один и тот же предмет, но в их употреблении отмечаются большие различия: народная поэзия, Голубиная книга знает только название *алатырь*, окружая его самыми высокими поэтически атрибутами, и не знает слова *янтарь*. В свете известных фактов *алатырь* выступает как бы в роли культового термина, а *янтарь* — в роли технического термина, принадлежа к разным сферам лексики. Но необходимо отметить между ними общность, в которой, надо думать, заключается ключ к тайне происхождения обоих названий: общий исход слова. Др.-русск. *лата^р* (XVII в., см. выше) показывает первоначальность -*a*- в заударном слоге и позволяет реконструировать форму *алатарь, ср. *янтарь*. Оба названия имеют исход -*тарь*. Конечной мягкостью как, видимо, вторичной и благоприобретенной на русской почве можно пренебречь, после чего остается -*тар-*, имеющее вид словообразовательного форманта, а это уже резко повышает эффективность дальнейших поисков: найти язык или языки со словообразовательной морфемой -*tar-* не так уж трудно. Но сначала надо исключить момент произвольности именно такого членения. *Ильтор / ильтрон и алатырь / *алатарь* не случайно как бы взаимозаменяемы.

Греч. ἥλεκτρον 'янтарь', 'электр (сплав золота с серебром)', с которым уже давно, но без необходимой четкости и аргументации связывали наше слово *алатырь*, является старым словом эпического греческого языка. Беглой справки в новейшем греческом этимологическом словаре достаточно, чтобы убедиться, что этимологизация ἥλεκτρον находится не в лучшем состоянии. Однако для нас важна констатация его принадлежности к лексике древнейшей

³¹ Ферсман А. Е. Указ. соч., с. 34, 37.

³² Надеждин Н. Указ. соч., с. 36; Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860, с. 18; Ляцкий Е. А. Стихи духовные. СПб., 1912, с. 13.

греческой эпики и этимологическое тождество слову ἥλεκτωρ 'сияющий', эпитет солнца; наличие дорических форм на ἀλ- показывает первоначальность формы *ἀλεκτώρ, *ἀλεκτρού. Важно и заключение о словообразовании: «Слово — явное производное с суффиксом -τωρ от индоевропейского корня, но от какого?»³³ Греческие формы оставляют впечатление индоевропейского наследия: полная ступень суф. -τωρ характеризует имя деятеля ἥλεκτωρ, сияющее Солнце, основа на согласный; ступень -τρ-о- с тематическим гласным основы выступает в названии орудия ἥλεκτρον. Слово *алатарь как бы дублирует архаическое греч. *ἀλεκτώρ, однако на базе иного языка. Сравнение с греческим помогает нам сделать следующий шаг в реконструкции *алатарь: это слово, окончательно сбросив русское обличье, предстает перед нами в праформе *alaktar- (группа -kt- перед задними гласными на славянской почве упрощалась в -t-). Вычленение суф. -tar- подтверждается, одновременно становится ясным, что форма *alaktar- порождена языком, в котором индоевропейские e/o (ср. *ἀλεκτώρ) слились в a. Короче говоря, возникает гипотеза, согласно которой русск. алатырь /*алатарь заимствовано из *alaktar- индоиранского типа, ср., с другой ступенью корневого вокализма, др.-инд. *ulkā* 'огненное небесное явление, метеор', обычно сближаемое с греч. ἥλεκτωρ. Память о семантике основы *alaktar сохранена поясняющими эпитетами бел-горюч камень латырь.

Привычным представлениям о местах, народах, языках, связанных с янтарем, это скорее противоречит, поэтому необходимо заняться вопросом географической локализации, для чего в духовном стихе о Голубиной книге содержатся указания, до сих пор полностью не прочтенные. Еще Веселовский, анализируя Алатырь, намеревался это сделать: «Я попытаюсь внести несколько свету в путаную географию песни и духовного стиха... Может быть, нам удастся набрести по пути и на загадочный камень алатырь»³⁴. Свет был пролит Веселовским только на палестинско-христианские места стиха, но это не относится к нижеследующему эпизоду (или эпизодам) из Голубиной книги. В белорусской редакции стиха место читается так:

.. .Патаму Латырь-каминъ всим камням ацец,
Ляжыцъ ион сиридзи моря,
Сиридзи моря сиридзи синява,
Идуцъ па морю многа карабельщиков,
Гли таво камня астанавливаются,
Яны бяруцъ многа с яво снадабья,
Пасылаюцъ па всяму свету белому...³⁵

Надеждин думал, что именно в этом эпизоде белорусской редакции имеется в виду янтареносное Балтийское море³⁶, и против

³³ Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque 1—2, p. 409.

³⁴ Веселовский А. Н. Указ. соч., с. 4.

³⁵ Варенцов В. Указ. соч., с. 234.

³⁶ Надеждин Н. Указ. соч., с. 36—37.

этого трудно спорить, но стоит обратить внимание на сходный, хотя и самостоятельный эпизод в великорусской редакции, с дополнительными географическими деталями:

Камням камень мать
Кармаус камень Илтор;
И лежит он у моря Теплого,
На восточном устье Волгском;
А коя рыба с моря пойдет,
И о камень потрется,
И на Русе той рыбы ловцам не добыть,
И птицам ее не убить,
И того году смерти ей не будет³⁷.

Верно, хотя еще и недостаточно, сказать, что Теплое море великорусской редакции Голубиной книги — это Черное море³⁸. Кроме таинственного имени *Кармаус*, заняться которым, видимо, следует особо, нас еще долго может продолжать смущать *устье Волгское* на Теплом (=Черном?) море, пока мы не обратим внимание на мыс *Воложская коса* в Днепро-Бугском лимане Черного моря³⁹, собственно — неверная запись названия *Волошская коса*, ср. там же, напротив — *Русская коса*. Дешифровав *устье Волгское*, считаем необходимым повнимательнее присмотреться к старой ономастике этого залива при устьях Днепра и Буга и обнаруживаем идущее с античной древности название *φρόριον* 'Алэкторос' 'укрепление Алектора', например в Борисфенитской речи Диона Хрисостома (ок. 100 г. н. э.): ἐκδιδόσαι δὲ οἱ ποταμοὶ εἰς θάλατταν παρὰ φρόριον 'Алэкторос, δὲ λέγεται τῆς γυναικὸς εἶναι τοῦ Σαυρομάτου βασιλέως' 'изливаются же реки (Борисфен и Гипанис. — O. T.) в море около укрепления Алектора, которое, говорят, принадлежит жене царя савроматов' (Dio Chrys. Dind.)⁴⁰. Оратор рассказывает об окрестностях недавно посещенной им Ольвии. В раннее средневековье название еще продолжает жить, ср. в «Космографии» Анонима Равеннского: *Alecturum* (Rav. An. IV, 5), *Alecturia* (Rav. An. V, 11), *Allecturia* (*Guidonis geographica*)⁴¹. Локализацию этого Алектора облегчает то, что у Анонима он упоминается всегда рядом с местностью *Dandarium*, тождество которой с нынешним островом Тендра у выхода из Днепро-Бугского лимана в море известно. Потом названный Алектор исчезает надолго, чтобы вновь отозваться лишь в др.-русск. *латыре* (XVII в.) и в форме *Алатырь* в стихе о Голубиной книге указанным выше

³⁷ Мочульский В. Указ. соч., с. 179.

³⁸ Мочульский В. Указ. соч., с. 180.

³⁹ Цит. по: Бурачков П. Опыт объяснения одного темного места в сказаниях Геродота о древней Скифии. — В кн.: Труды III археологического съезда в России, т. II. Киев, 1878, с. 63, 64.

⁴⁰ Цит. по: Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890, с. 172.

⁴¹ Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica. Ex libris manu scriptis ediderunt M. Pinder et G. Parthey. Berolini, 1860, с. 177, 369, 532—533.

образом. Впрочем, ряд форм (и мест), отождествляемых с Алектором — Алатырем, может быть, удастся пополнить названием острова св. Елевферия, идентифицируемого одними с островом Березань, а другими — более вероятно — с упомянутым островом Тендра⁴². Остров Елевферия (вар. Елферья и др.) фигурирует в ранней русской летописи о событиях Х в.: И да не имъют власти Русь зимовати в вустыи Днѣпра, Бѣльбережи, ни у св. Елферья: нъ егда придетъ осень, да идутъ въ домы своя въ Русь. Договор Игоря с греками. ПСРЛ I. 22—972⁴³. Идентификация этимологическая остается здесь проблематичной, пока не будет доказано вторичное осмысление более древнего названия в связи с именем похороненного здесь епископа 'Ελευθέριος.

Греч. ἀλέκτωρ известно в значении 'петух', но это его употребление вторично, ср. 'Αλέκτωρ, личное имя собственное (и отнюдь не петушиное) у Гомера. Почему-то принято раскрывать первоначальное значение его имени — главным образом в применении к петуху — как 'защитник, боец', что находится в согласии с петушиными качествами, но не отвечает морфологии и словообразованию, ср. реплику Шантрена по поводу «d'un développement imprévu»⁴⁴. При этом имя ἀλέκτωρ объясняют как производное от глагола ἀλέξω 'защищать', мирясь с явными противоречиями, хотя от этого глагола с этим суффиксом есть другие, закономерные производные со значением 'защитник': ἀλεξητήρ, ἀλεξήτωρ. Их отнюдь не новый характер подтверждается соответствием др.-инд. *rakṣitár* 'защитник'. Греческие этимологические словари отражают народную этимологию, и слово ἀλέκτωρ образовано не от ἀλέξω, а тождественно этимологически эпитету солнца ἥλεκτωρ 'сияющий, светило', которого мы касались выше. Не как боец, а гораздо важнее — как провозвестник солнца — был назван словом ἀλέκτωρ петух, о чем подробно и убедительно говорится у В. Гена и что полностью было позабыто последующими этимологами: «Чудесная птица, возвещающая свет солнца, носившая (у иранцев. — О. Т.) жреческое имя *parōdars*, в эпоху пробуждения от мифических грез и начального бунта против эпических легенд и эпического языка была названа тоже мистическим и значительным именем *alektor*. Такие имена как *elektor Hyperion* 'лучезарный путник, солнце', *elektron* 'сияющий металл, солнечный янтарь', *Elektra* 'богиня сиющего, зеркального отражения', *Elektryon* (сын Персея, Электрийские острова, Электрийские врата в Фивах и т. д.), а также формы на *a-* — *Alektryon*, *Alektor* — были известны каждому образованному и благочестивому человеку из Гомера

⁴² Бурачков П. О. О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих. — Записки Одесского общества истории и древностей, 1875, т. IX, с. 40.

⁴³ Цит. по: Барсов Н. Материалы для историко-географического словаря России. Вильна, 1965, с. 19.

⁴⁴ Chantraine. Указ. соч., 1—2, р. 58.

и героических мифов»⁴⁵. И ниже: «Обыкновенный петух получил свое название *alector* от солнца и янтаря, солнечного камня»⁴⁶.

Эти старые открытия позволяют заново объяснить Алектор-Алатырь в Северном Причерноморье как 'Солнечный' или скорее 'Янтарный', причем форма 'Алэктор', *φρούριον* 'Алэкторос — вторичная греческая близкая, но не греческой, туземной формы *alaktar-, дошедшей на Русь как таинственное название камень Алатырь. Название, несмотря на темный характер употребления, дошло вместе с хорошим представлением о самом минерале, который, действительно, и бел 'блестящий' и горюч. Тем, кого продолжает удивлять географическое расположение этого источника янтаря, можно напомнить, что важнейшим путем янтаря в древности был не только путь от устья Вислы до Аквилеи на Адриатике, но и днепровский путь⁴⁷, а этот последний был ближе славянам и балтам, не вдруг покинувшим Верхнее Поднепровье; что Плиний называет ряд сортов янтаря — *sualiternicum, sacrium* — именно из Скифии; что по Среднему и Нижнему Днепру с древности до нового времени находили и собирали янтарь⁴⁸ и что минералоги включают вполне официально в единую Балтийско-Днепровскую янтареносную провинцию также нижнее течение Днепра, Южного Буга вплоть до устья этих рек⁴⁹.

После предыдущего подробного изложения будет логично поставить рядом названия *алатырь* и *янтарь* или лучше — их реконструкции — *alaktar- и *iantar- как близкие языковые образования. И то и другое, видимо, — производные с суффиксом -tar-, судя по всему, — со значением имен деятеля. При этом *alak-tar- предположительно означало 'сияющий, жгущий и т. д.' В духе высказанного выше мнения о том, что слово *янтарь* — технический термин (ср. отсутствие его в культовой поэзии), мы этимологизируем его первоисточник в связи с др.-инд. *yántar-* 'сдерживающий'⁵⁰, т. е. производное с суфф. -tar- от глагольной основы *yat-* 'держать, сдерживать, удерживать'. Мотивом названия янтаря в данном случае явилась способность потертого и нагревшего янтаря притягивать мелкие предметы, напр. солому. Это свойство янтарного магнетизма — весьма яркая черта, которой янтарь обязан рядом своих названий в разных языках, ср. греч.

⁴⁵ Hehn V. Cultivated plants and domesticated animals. . . , p. 244.

⁴⁶ Там же, p. 270. — Связь петуха с чудесным солнечным камнем долго осознавалась, ср. В. Ген (там же, 243) относительно *gemma alectoris*, а также Grimm J. Deutsche Mythologie. 2. Ausg. Bd. II. Göttingen, 1844, S. 1169: легенды о камне *alectorius*, который якобы растет в теле петуха.

⁴⁷ Ферсман А. Е. Указ. соч., с. 34.

⁴⁸ Ouvaroff A. Recherches sur les antiquités de la Russie Méridionale et des côtes de la mer Noire. Paris, MDCCCLV, p. 8; о находках крупных кусков белого янтаря (de gros morceaux d'ambre blanc) по Днепру, в районе по-рогов вплоть до начала XIX в.

⁴⁹ Савкевич С. С. Янтарь. Л., 1970, с. 52.

⁵⁰ Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung, bearbeitet von Böhtlingk. Teil 5. St. Petersburg, 1884, S. 127.

ἄρπαξ ‘хватающий, похищающий’, перс. *kahrūbā*, букв. ‘похищающий солому’, аналогичные сирийские, арабские названия⁵¹.

Таким образом, два русских названия янтаря могли быть получены, в конечном счете, из севернопричерноморского индо-иранского или даже конкретнее (ср. выше характер соответствий) — индоарийского субстрата в той его части, которую мы отождествляем со Старой Скифией Геродота в низовьях Южного Буга и Днепра. Их первоисточники имели вид **alaktar-* и **iantar-*. Конечно, проблема передачи из арийского субстрата в славянский не снимается, особенно для формы **iantar-*, отражение которой в виде russk. янтарь, ентарь вызывает мысль об иноязычном посредничестве. Такими посредниками могли быть тюрки-булгары, на юге рано обосновавшиеся в Северном Причерноморье, а на севере контактировавшие с ранневосточнославянскими племенами. Во всяком случае ученых давно заинтересовали чувашские слова *janDar* ‘стекло’, *janDal* ‘дорогие бусы’, ‘я н т а р ь’, относительно первоисточника которых, однако, не было ясности⁵².

Итог наших разысканий можно сформулировать так: 1) русское слово янтарь получено не из балтийских и не из финно-угорских языков; 2) оно восходит скорее всего к арийскому субстрату Северного Причерноморья; 3) в языке-источнике это было слово, производное с агентивным суффиксом *-tar-* и соответствующей семантикой.

Определенным итогом мы считаем, кроме того, указание на возможность таких решений в балто-славянском вопросе, которые уводят за пределы как балтийского, так и славянского.

⁵¹ Богоявленов М. Н. Сирийские названия янтаря у Ал-Бируни. — Востоковедение. З. Филологические исследования (Уч. зап. ЛГУ, 1977, № 389. Серия востоковедческих наук, вып. 19), с. 3—5 (с литературой).

⁵² Mikkola J. J. Einiges über den eurasischen Bernsteinhandel. — Senatne un mäksla, 1938, I, с. 33 и сл. (цит. по: Ларин Б. А. Указ. соч., с. 82, примеч. 3); Ларин Б. А. Указ. соч., с. 82; Räsänen. M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969 (=Lexica Societatis Fennno-Ugricæ XVII, 1), S. 123; Добродомов И. Г. Янтарь. — Русская речь, 1971, № 4, с. 138 и сл.